

ЛИАНЕЛИЯ МАЕВА

18+

ТЁМНЫЕ

ЛЕГЕНДЫ

ДИКОЗЕМЬЯ

18+

Лианелия Маева

Тёмные легенды Дикоземья

<https://litres.ru/73788514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дикоземье не прощает слабости. Это мир древней магии и первобытной жестокости, где границы между лесом, морем и людскими городами окроплены кровью.

В этом сборнике пять историй о тех, кто рискнул бросить вызов судьбе или стал жертвой чужой алчности. Вы встретите дракона и браконьеров, чьи капканы не щадят даже божеств. Вы услышите звон пиратской стали и тихий скрип ступеней в уединенной таверне, где гостеприимство имеет слишком высокую цену.

Это путь по забытым тропам, где почти за каждым деревом прячется дух. Здесь магия не спасает, а испытывает на прочность, и не каждая сказка обязана заканчиваться хорошо.

От шёпота древних тайн до крика последнего отчаяния. Узнайте, какую цену потребует от вас Дикоземье.

Внимание! Книга содержит:

Сцены физической жестокости и натуралистичные описания насилия;

Упоминание и сцены людоедства;

Темы рабства и торговли живыми существами;

Смерть персонажей и отсутствие счастливого финала в некоторых историях.

Строго 18+ строго.

Содержание

Приветствие	5
Легенда первая. Расплата за спасение	7
Легенда вторая. Ученик голода	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лианелия Маева

Тёмные легенды Дикоземья

Приветствие

О, ты всё-таки и забрел сюда? Смело. Или глупо — в Дикоземье эти два понятия часто путают. Вот мы и встретились снова, дорогой путник. Значит настало время для новых увлекательных историй, из нового мира, мира магии драконов, мира где ты либо еда, либо товар.

Проходи, не стой на пороге теней. Садись ближе к огню, путник. Здесь, в густом тумане между мирами, холод пробирает до самых костей, а ночные шорохи имеют привычку оборачиваться чьим-то голодным оскалом. Не веришь? Зря.

Когда-нибудь я расскажу тебе все легенды, но сейчас речь пойдёт о диких островах и море, что их окружает. Дикоземье — место честное. Оно не знает милосердия и не верит в счастливые финалы. Здесь магия пахнет солью и пеплом, а боги могут истекать кровью точно так же, как и те, кто им поклоняется. У меня как обычно в запасе есть пять историй. Пять тёмных легенд, которые напечтали мне лесные духи и морские брызги. Они про месть, жадность и голод. От обычных людей и пиратов, до проклятых душ, демонов и богов. В них есть всё: от шёпота запретной магии

до крика последнего отчаяния.

Ты действительно хочешь их услышать? Посмотри на меня внимательней... Видишь, как пляшут искры в моих глазах? Если ты готов оставить свою наивность, тогда слушай.

Но помни: открыв эту книгу, ты уже не сможешь забыть то, что скрывается в темноте. Ну что, начнём с моря? Оно сегодня особенно беспокойно...

Легенда первая.

Расплата за спасение

Ну что, путник, ты готов? Тогда слушай.

Там, где Священная гора Мицуру вонзает свой скалистый пик прямо в брюхо облакам, а её подножие омывают воды, что люди привыкли называть божественными. В те времена люди были... чуть более суеверными и гораздо более жестокими, чем сейчас. В одной рыбацкой деревушке, зажатой между вековыми соснами и ревущим прибоем, жил один мальчишка. Обычный человечиска, чьё сердце оказалось слишком большим для его собственного блага.

У него не было ничего, кроме лодки, старого меча, оставшегося от отца, и названного брата единственного существа, ради которого он был готов спорить с самими небесами. Но у Дикоземья на этот счёт всегда свои планы.

В тот год море разгневалось. Штормы неделями грызли берег, унося в бездну сети и жизни. Жрецы в масках из белого дерева шептались, что Великий священный змей глубин требует дани. Не рыбы, не золота, а «Сердце Суши». Самую чистую душу, что поднимется на скалу Жертв.

И как ты думаешь, на кого указал костлявый палец старца?

Мальчишка видел, как его друга ведут по тропе, усыпанной острыми камнями. Он видел белые одежды, предназначенные для покойника, и слышал, как затихает плач того, кто был ему дороже жизни. Деревня стояла на коленях, опустив глаза в землю страх перед божеством всегда сильнее любви к ближнему.

Но этот глупец не опустил глаз. Он сжимал рукоять меча так, что из-под ногтей выступила кровь. Пока жрецы пели свои заунывные гимны, а над водой сгущался тяжёлый, пахнущий озоном и солью туман, мальчишка уже карабкался по чёрным камням Запретного берега.

Он не собирался молиться. Он собирался совершить то, о чём в Дикоземье не смели даже думать. Он собирался убить бога.

Туман над бухтой стал таким густым, что казался осязаемым, липким, словно сырая шерсть. Море, до этого бившееся в истерике, вдруг затихло. Замерло, выжидая. Мальчишка стоял на узком уступе, прямо над ритуальным камнем, где его названный брат, прикованный тяжёлыми цепями, покорно ждал своей участи.

Глупый, глупый человечешка. Он думал, что сталь может напугать того, кто сотворил эти скалы. Тебе не хо-

лодно? Сейчас подкину веток в костёр.

Вода в центре бухты вздулась огромным черным пузырем, и из пены медленно поднялось ОНО. Он не был просто змеем. Это была живая гора из перламутра и ярости. Каждая его чешуйка была размером с щит и сияла холодным, неземным светом, отражая бледную луну. Огромные глаза, лишённые зрачков, светились молочным огнем, смотря сквозь мир людей в самую вечность.

От одного его дыхания воздух пропитался холодом бездны. Жрецы на берегу пали ниц, их пение превратилось в невнятное хныканье. Змей медленно склонил голову к жертвенному камню, раскрывая пасть, усаженную зубами из прозрачного обсидиана.

И в этот миг мальчишка прыгнул.

Это не было похоже на схватку героев из светлых баллад. Это была бойня. С диким криком, в котором не осталось ничего человеческого, он обрушился на затылок божества. Сталь вошла между чешуйками со скрежетом, от которого у смертных лопались перепонки.

Змей взревел. Звук этот был подобен стону тектонических плит. Золотая, густая кровь, светящаяся во тьме, брызнула на скалы, обжигая кожу мальчишки. Он не чувствовал боли. Он наносил удар за ударом, вгрызаясь в священную плоть, разрывая перламутр и мышцы, пока всё Дикоземье содрогалось от такого кошунства. Он марал божественное

величие грязной, земной яростью, превращая святыню в кусок кровоточащего мяса.

Мальчишка больше не напоминал человека. С головы до ног залитый светящейся золотой кровью, он походил на демона, вынырнувшего из недр земли. Каждое его движение было пропитано безумием и отчаянием. Священный змей бился в конвульсиях, круша своим телом вековые скалы, но человечиска вцепился в его шею, словно клещ, и продолжал кромсать плоть зазубренным клинком.

Наконец, раздался хруст звук, с которым ломается хребет самого мира. Огромная голова змея тяжело рухнула на ритуальный камень, прямо перед лицом застывшего от ужаса друга.

О, вы, люди, так гордитесь своей волей. Вы думаете, что, сразив того, кто выше вас, вы обретаете свободу. Но вы забываете, что у каждого бога есть голос, который звучит даже тогда, когда горло перерезано.

Змей еще был жив. Его огромный молочный глаз медленно повернулся, фокусируясь на мальчишке. В этом взгляде не было ненависти только ледяное, бездонное знание. Пасть приоткрылась, и вместо рева из неё вырвался свистящий шепот, который проник мальчишке прямо под череп, минуя уши.

Ты... вырвал его из рук моря... прохрипел бог, и каждое его слово отдавалось в костях героя жгучей болью. Но суша

больше не примет тебя. Отныне соль будет твоей кровью, а бездна твоим домом. Воздух станет для тебя раскаленным свинцом, а солнце медленным палачом. Ты хотел спасти его для жизни под небом? Что ж... смотри.

Последним усилием Змей выдохнул облако перламутрового тумана, который впитался в поры мальчишки, заставляя его кожу мгновенно побледнеть и покрыться странным, едва заметным мерцанием.

В следующий миг мальчишка взмахнул мечом в последний раз. Голова священного божества окончательно отделилась от тела, и золотое сияние в глазах змея погасло навсегда.

Тишина, воцарившаяся после падения Змея, была страшнее любого шторма. Мальчишка стоял, тяжело дыша, и смотрел на свои руки, перепачканные божественным золотом. Он победил. Он ждал, что жрецы в ужасе разбегутся, что мир признает его триумф, а он сможет подойти к камню и сорвать цепи со своего названного брата.

Но из черной каймы леса, что подступал к самому берегу, потянулись длинные, неестественно тонкие тени.

Прислушайся к ночным шорохам, лес не любит должников. И он очень не любит, когда кто-то ломает его игрушки, не предлагая ничего взамен. Духи Дикоземья не знают гнева, они знают только... порядок.

Из густых зарослей вышли они. Существа в длинных белых одеждах, чьи лица скрывали неподвижные маски лис и воронов. Их движения были дергаными, как у марионеток, а вместо ступней по острым камням шуршали переплетенные корни. Это были лесные духи хранители горы Мицуру, пришедшие забрать своё.

Они не смотрели на труп бога. Они смотрели на мальчишку.

- Жертва должна быть принесена, - проскрежетали маски в унисон, и звук этот напомнил хруст сухих костей. - Если бог не смог взять дань, её возьмёт земля.

Мальчишка бросился вперед, занося меч, но колючие лозы, мгновенно выстрелившие из-под камней, опутали его ноги, вгрызаясь шипами в плоть. Он кричал, рвался, но был бессилен. На его глазах дух в маске лисицы подошел к ритуальному камню. Один короткий жест когтистой лапой и белые одежды его друга окрасились красным.

Жертва состоялась. Не по воле моря, а по воле леса.

Духи обернулись к застывшему от ужаса герою. С тихим, издевательским смехом они туго спеленали его лозами, превращая в живой кокон.

- Ты убил наше море, - прошептала Лисица, наклонившись к самому его уху. - Теперь иди к нему. И помни: ты не спас его. Ты просто сделал его смерть напрасной.

Сильным толчком корни спихнули связанного мальчишку с обрыва. Тяжелое тело камнем рухнуло в темную, холод-

ную пучину, которая еще недавно принадлежала Великому священному змею.

Пустота бездны должна была стать концом. Мальчишка ждал, что ледяная вода наполнит легкие, выжигая остатки жизни, и он наконец встретится с тем, кого не сумел защитить. Но смерть не пришла. Лозы, сковавшие его тело, в соленой воде размякли и превратились в скользких змей, сползающих во тьму.

Он открыл глаза. Вода больше не слепила его она казалась прозрачным, плотным воздухом. Он вдохнул, и вместо боли почувствовал странную, холодную мощь, разливающуюся по венам. Его тело, оскверненное золотой кровью бога, теперь само жаждало соли.

Знаешь, путник, самое страшное в Дикоземье - это получить то, чего просил, но совсем не так, как ты себе представлял. Мальчишка хотел выжить, чтобы отомстить. И море дало ему эту жизнь. Вот только... оно забыло спросить, сможет ли он её вынести.

С первыми лучами рассвета он выбрался на берег. Его пальцы впилась в мокрый песок, он потянул свое тело вперед, к траве, к цветам, к деревне, которая всё еще дымилась на склоне горы. Но как только солнце коснулось его плеч, мир превратился в ад.

Его кожа, еще вчера мягкая и человеческая, мгновенно побелела и начала трескаться с тихим, сухим треском. Из ран не пошла кровь там выступили кристаллы соли. Воздух, которым он дышал всю жизнь, теперь обжигал гортань, словно раскаленный песок. Мальчишка закричал, но вместо крика из его груди вырвался лишь хриплый, сухой хруст. Каждая секунда на суше была подобна пребыванию на раскаленной сковороде. Суть Змея внутри него вскипала, требуя возвращения в бездну.

Скуля от невыносимой боли, он пополз обратно. Как только первая волна накрыла его измученное тело, боль стихла, сменившись блаженным холодом.

Он попробовал снова через час. И снова через день. Но Дикоземье было неумолимо: теперь он мог находиться на земле лишь столько, сколько сохнет морская пена на камне. Его мир сузился до прибрежной полосы, до гниющих досок палуб и вечного запаха соли.

Шли месяцы. А может, и годы - в океане время течет иначе. Человечишка понял, что ни один зверь в море не тронет его, видя в нем тень своего павшего господина. Но плата продолжала расти.

Посмотри на пляж... видишь эти чешуйки, что блестят на свету?

Мальчишка тоже смотрел, на то, как на его запястьях проступает перламутр. Его пальцы удлинились, между ними росла тонкая, прозрачная пленка. Он больше не был тем рыбаком, что хотел спасти друга. Он медленно превращался в то самое божество, которое сам же и обезглавил.

Теперь он вечный странник Дикоземья. Проклятый мореход, чей дом везде, где есть соль, и нигде, где есть тепло человеческого очага.

Ну что, путник? Твоё сердце всё еще бьется ровно? Этот мальчишка всё еще бороздит океаны Дикоземья. Говорят, его корабль не знает штормов, а матросы-мертвецы молчат так же красноречиво, как и их капитан, чьё лицо скрыто под капюшоном и блестящей чешуей. Справедливо ли это? О, Дикоземье не знает такого слова. Оно знает только баланс.

Если эта история показалась тебе горькой или наоборот скучноватой, то приготовься. Вкус следующей будет куда острее. Мы отправимся на остров, который не найти на картах, туда, где небо застилают крылья того, кто когда-то был человеком, но променял свою душу на вечный голод. Ты ведь слышал легенды о Драконах, которые сжигают города?

Мой Дракон не сжигает города. Он их съедает. Вместе с костями тех, кто в них живет.

Легенда вторая. Ученик голода

Ну что, путник, твои сапоги еще пахнут морской солью? Думаешь, если море осталось позади, то ты в безопасности? На суше чудовища бывают куда более жестоки и изобретательнее. Вы, люди, привыкли рисовать драконов величественными стражами золотых гор... Но правда Дикоземья куда приземленнее. Она пахнет несвежим мясом и сырым железом.

Остров, о котором я говорю, был огромен и прекрасен. На его берегах раскинулись два города — шумные, каменные, с узкими улочками и поместьями в два, а то и три этажа, чьи черепичные крыши блестели под солнцем, точно чешуя засыпающей рыбы. На торговых площадях, вымощенных серым камнем, яблоку негде было упасть: прилавки ломились от заморского шелка, пряностей и звонкой медной посуды. Там пахло свежим хлебом, кожей и фруктами. Торговцы в пестрых халатах зазывали покупателей, перекрикивая лай бродячих собак и грохот тяжелых телег. Между городами неустанно ползли караваны — длинные цепочки фургонов, запряженных мощными волами. Они везли вино, зерно и новости, а пыль от их колес стояла над трактами до самого заката.

По всему острову, точно капли росы, были разбросаны мелкие деревеньки и охотничьи стоянки. Люди там пасли скот, ловили рыбу в чистых озёрах. Охотники в тех краях считались уважаемыми людьми. В светлых лесах и на предгорьях они добывали кабанов с клыками как кинжалы, изящных косуль и пушистых серебристых лис, чьи шкуры стоили целое состояние в северных провинциях.

Но среди этого благополучия, в самом сердце острова, росло пятно, которое не решались пересекать даже самые смелые картографы. Тёмный лес.

Там деревья стояли так тесно, что солнечный свет умирал, не успев коснуться земли. Воздух в том лесу был тяжелым, застойным, пропитанным запахом прелой листвы и застарелой крови. Все дороги, ведущие к его границам, давно заросли колючим кустарником, даже зверолоды обходили это место за десятки лиг. Именно там, в самом гнилом нутре этой чащи, и притаилась хижина, ставшая колыбелью для нашего монстра.

Повсюду в лесу вокруг этого места были расставлены «игрушки» хозяина. Зазубренные капканы, в которых до сих пор белели обломки чьих-то костей; петли из стальной проволоки, затянутые на обрубках человеческих кистей. Гнилое дерево стен хижины давно почернело от сырости и чего-то более вязкого. Это было не жилье, а бойня. Вместо занавесок на окнах висели связки высохших жил, а пол так глубоко пропитался кровью, что хлюпал под ногами, выплывы-

вая бурую пену в щели между досками. Внутри самой хижины пахло так, что обычный человек лишился бы чувств. Это был густой, сладковатый смрад разложения, смешанный с едким запахом драконьей желчи. На стенах, словно причудливые гобелены, были растянuty полотна человеческой кожи — содранные так аккуратно, что на них всё ещё можно было разобрать татуировки тех, кто когда-то носил их на себе. В углу, в глубокой чаше из черепа, медленно застывал студень из глазных яблок, глядящих в никуда. А на ржавых крюках для туш покачивались запасы на зиму: оторванные конечности и куски плоти, с которых лениво капала сукровица на грязный стол. Хозяин этого места не любил порядок. Хаос ему был больше по душе и судя по набору останков, делал всё, чтобы его еда сохранялась как можно дольше.

Ты когда-нибудь слышал, как плачут те, у кого не осталось ног, чтобы убежать, но еще хватает сил, чтобы чувствовать боль от каждого укуса?

Он не давал им умереть от болевого шока, а поддерживал в них жизнь, чтобы они продолжали бояться, ведь мясо, пропитанное первобытным ужасом, становилось настоящим деликатесом. А когда жертва уже не могла испытывать ничего и ждало своей смерти, он откусывал голову.

А ведь когда-то он тоже был человеком. Сейчас этот драконий выкормыш не знал сострадания, потому что его собственное тело каждый миг напоминало ему: ты — это

только твой желудок. И вот в этот уютный уголок Дикоземья однажды решил заглянуть гость...

Сам хозяин, ещё мальчишка — если можно было так назвать это существо — сидел на куче тряпья, которое когда-то было богатыми одеждами заезжих купцов, обгладывая чье-то ребро. В его человеческом облике не было ничего от благородных легенд. Кожа, бледная и болезненная, местами была грубой и прорывалась жесткой, острой чешуей черного цвета которая поглощала казалось весь свет, который мог на нее попасть, выглядело это так словно тело пыталось вытолкнуть из себя остатки человечности. Волосы — черные, как запекшаяся кровь, спутанные и липкие — закрывали лицо, но не могли скрыть ужасающего оскала. Его рот расширился и покрылся кучей острых как бритва клыков, а нижняя челюсть была деформирована. Она походила на кусок твердой, черной, словно обугленной, кости и выглядела более массивной. Вечный, рваный оскал обнажал десны, испачканные в свежем багрянце. Он не мог говорить, забыл как — только хрипеть и чавкать, вгрызаясь в податливое мясо. Позади него, в грязной соломе, дергался длинный, чешуйчатый хвост. Он жил своей жизнью: мощный, он лениво сгребал в кучу обломки ребер и черепов, хрустя ими с таким звуком, будто кто-то ломал сухие ветки.

Вот такой он, наш «принц» Дикоземья. Он был королём

этого гнилого трона, пока лесная чаща не расступилась, пропуская того, чья кровь пахла свежей хвоей и старой, как сама земля, магией.

Дверь хижины, державшаяся на честных словах и засохших жилах, не открылась с грохотом — она плавно отворилась, словно приглашая внутрь свежий лесной воздух. В проме стоял тот, чье появление в этом аду казалось невозможным.

Хранитель острова. Ему было три сотни лет, но Дикоземье берегло тело, словно редкий цветок. На вид ему нельзя было дать и тридцати. Высокий, изящный, с кожей цвета первого утреннего тумана. Его голову венчали тонкие, ветвистые рога, похожие на корону из темного дерева, а из-под длинных одеяний виднелись аккуратные копыта. Светлые волосы Хранителя, почти белые, сияли в сумраке леса, как ореол.

Он слегка улыбнулся, обнажив зубы. Даже не поморщился от вони и не взглянул на гроздья кишок, свисающие с потолка. Его синие глаза — цвета глубоких ледяных озёр под полуденным солнцем — встретились с безумным взглядом Дракона.

Хранитель не стал заходить внутрь. Он лишь на мгновение заглянул в это логово боли, и не сказав ни слова, развернулся, легко застучав копытами по корням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.